

УДК 321.1 + 141.7
DOI: 10.17223/19988613/58/18

В.В. Шмидт, Ш.Х. Ризоев

ВЛАСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания РАНХиГС-2018 г. № АААА-А18-118013190105-2 по теме «Система экспертно-аналитического обеспечения религиозно-политических процессов на региональном и муниципальном уровнях органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации».

Статья посвящена проблеме природы и дефиниции власти. Феномен власти рассматривается как продукт социальной интеграции, в основе которой – механизм отчуждения. Авторы считают, что власть – это способность актора к отчуждению своего права на волеопределение в пользу субъекта более высокого уровня с целью распределения объемов и полномочий для всех видов акторов, образующих систему – общество. В процессе делегирования и социального взаимодействия власть приобретает характер динамической институциональной системы, находящейся в состоянии непрерывного развития.

Ключевые слова: власть; власть как социальное явление; власть в системе политики; философия власти; аксиология власти.

Власть является центральным понятием в политической науке и обществоведческом знании в целом; оно, как правило, оформлено и выражено в рамках предметно-отраслевых категоризаций, образующих полисемантические «кусты» понятий [1. С. 418; 2]. В системе российской политологической школы существует отдельная дисциплина – кратология, рассматривающая власть в самом широком контексте ее проявлений [3, 4]. При этом проблема общей теории власти и проблема универсальной дефиниции в условиях нарастающей глобализации, тенденций к универсализации национальных систем права обостряют проблему понимания и интерпретаций, которые во многом зависят от методологических подходов, онтогносеологических принципов и метафизических оснований данного феномена, его историко-политических, философско-культурологических контекстов¹.

В нашей работе мы исходим из того, что политическая власть является продуктом социальных отношений, а цель данной статьи – сконструировать понятие, отражающее концепт власти как многофакторного, диалектического взаимодействия.

Политическую власть невозможно исследовать в отрыве от таких понятий, как «государство» и «общество» (группа), «система» и «отчуждение». Первый элемент первой пары есть выражение (развитие) власти в системе (структуре) институциональных отношений, а второй – общество – порождающее данный феномен условие; начало же власти – в способе отчуждения того, что мы привыкли именовать фундаментальным, базовым условием «Я» (субъектности) – явлением, рождающим конвенциональную универсалию и право как таковые, в его непосредственном отпавлении – возникновении из неотчуждаемого² качества / признака быть самой способностью к бытийствованию, наличному и опосредующих его элементов³ – тех базовых индивидуальных потребностей, которым надлежит быть удовлетворенными, поскольку они есть тут же как всеобщее – ценность [6]. Возникшее таким образом базовое противоречие между

индивидуальным (конкретным, частным) и всеобщим (единым, целым) не только явилось формой межсубъектного взаимодействия – пра-системой, пра-эпистемой, но и обострило проблему ограниченности (исчерпаемости) ресурсов, распределение, воспроизводство которых стало источником всех иных форм бытия субъекта – социального и экономического, культурного и технологического, этико-правового, институционально-формационного, информационно-политического и т.п. [7].

В истории проблема исчерпаемости нашла свое решение в опыте договора – установлении достаточности общих оснований и условий их применения, что привело к формированию, с одной стороны, системы аскетических практик частного (индивидуального) уровня, а с другой – системы универсалий, нормативности, в числе которых базовыми стали понятийно-категориальные и аксиологические системы [8, 9]. Как видно, природа политики есть инверсивный, приращаемый за счет аксио- и телео-логии коммуникативный акт, образующий социальность – поле общих (индивидуальных как коллективных, социумных) значимостей, смыслов и ценностей, в котором политика это техно-логия – особый вид социальных отношений, реализующихся как взаимодействие суверенов (политических субъектов) в отношении объектов, составляющих общую значимость, включая и самих себя – условия социальности [10. С. 18]. И если исходить из субстанционального подхода к определению *власти*, то искать первопричину, давшую толчок биному «власть / право» как фундаментальному (онтологическому) феномену и явлению, необходимо в следующем уровне бытия картины мира – не из ее предельного основания (философско-онтологического и / или религиозного), которое оказывает предопределяющее значение, но все же из общественных связей и социальных практик – их характера и качеств – в типе метафизической системы: понятие власти / права, всегда имея единое основание, не только выступает универсальной категорией⁴ для конкретной культуры, но и требует своего обеспечения – всякий нормативно-

правовой акт должен проверяться на онтологическую достаточность – способность обеспечивать логическую непротиворечивость системы права как условие баланса для правового регулирования прав, свобод и обязанностей граждан с учетом национальных (историко-культурных, духовно-нравственных) традиций и ценностей народа в целях социальной справедливости и устойчивого развития общества и государства [11].

Методологический (онтологический) плюрализм, характерный большинству исследований о власти второй половины XX – начала XXI в., позволяет исследовать ее с различных, порой неожиданных, сторон. Так, в социологических концепциях власть приобретает символический характер [12], а в политических доминирующими являются исследования власти через призму воли, насилия, силы и могущества [13, 14]. Неопределенность и / или неразборчивость многих авторов в философско-методологических основаниях и стремление к междисциплинарности приводят к конструированию диковинных систем, вплоть до историсофских или геософских (см., напр.: [15–20]), отличительной особенностью которых становятся вильгаризированные межотраслевые дискурсы, где даже базовые отраслевые понятия выступают метафорами-аллюзиями, что позволило С.С. Хоружему заметить: «Общим свойством всей этой линии является отсутствие дисциплины мышления и познания, элементарной методологической культуры и, как следствие этого, интеллектуальная второсортность...» [21].

Итак, среди явлений, имеющих социальную природу, власть является феноменом, обеспечивающим конституирование и конструирование структуры и системы организации общества – задает не только уровни институционализации, но и уровни взаимоотношений, в свою очередь, влияющих на традицию как таковую, ее этико-правовую систему. Власть, будучи изначально индивидуально-общественным «институтом», в своем пределе формирует два типа нормативной институционализации – аксиолого-эсхатологическую систему и гражданско-политическую (этатистскую), что обеспечивает несколько видов иерархизации и субординации – родо-видовую и иерократическую, реализующихся в истории как этно-культурная, национальная традиция. Таким образом, власть как функциональное и как институциональное есть процесс воспроизводства, суть которого – реализация в бытии принципов сакрализации, кодификации, легитимации и управления. Все это в комплексе и определяет статус власти – ее место (положение) в социальной системе-пространстве, также имеющей непосредственное выражение и в образе ее отправителя – актора / субъекта, действующего ее именем и / или от ее лица.

Высшие проявления власти в демократических политических системах воспроизводятся в системе государства в виде (форме) законодательной, исполнительной и судебной властей, а также общественными формами контроля за ней – институтами публичной и медийной сферы. Таким образом, можно говорить о дуально-диалектической природе не только власти как существенного элемента духовно-нравственной системы (культуры), но и социума, онтологическое проти-

воречие (= единство) которых становится движущей силой, преобразующей формы их взаимоотношений в гражданско-политические институты – общественные и государственные.

При дальнейшем рассмотрении феномена власти – анализе объема и содержания этого понятия – возникает проблема выделения и качественного семантического (генетического) ее / его признака. Как уже было отмечено, таким значимым признаком мы считаем *отчуждение*⁵. Даже если в семантическом поле они не всегда совпадают, между ними прослеживаются отношения соподчинения, где отчуждению будет отводиться роль причины.

Под отчуждением мы подразумеваем процесс ограничения индивидуальных (частных) потенций индивида в пользу иного актора, в том числе и более высокого порядка, что в итоге приводит к формированию базового условия для проявления социального, его структуры и возникающих в них традиций – воспроизводства всех видов субэлементов как единой системы. Так одновременно рождаются отношения субординативного характера / порядка – базовый элемент (фрактал) общественной системы [22, 25].

М. Хайдеггер, например, в отчуждении видел «...способ бытия в условиях общественности, в мире повседневных забот; оно обезличивает человека, превращая его в функциональную единицу общества; происходит растворение человеческой экзистенции в отчужденных общественных нормах поведения и образе мыслей; используются общественные средства сообщения, связь (газеты), каждый уподобляется другому...» [26. С. 139].

Очевидно, что вне и без отчуждения невозможен процесс формирования социальной ткани как отношений институционального характера, наивысшие формы которых проявляются в государстве и политике, политической культуре. Этот процесс сводится к постепенному отрыву и господству над индивидом сил, которые он сам и создает: как гражданская единица, человек перестает контролировать движение продуктов своей деятельности – Левиафана, по замечанию Т. Гоббса, – государство и господствующую в нем идеологию [27. С. 63].

Отношения такого порядка реализуемы только в рамках социального поля, в структуру которого тот же Бурдьё включает государство и политические партии. Опираясь на институт права, политическая подсистема в общественной системе способна обеспечить солидаризацию – организацию коллективных действий граждан для достижения эффективного результата. И вновь мы подчеркнем: в контексте философского (философско-религиоведческого) дискурса этот политический результат неизбежно свидетельствует о его онтологическом начале: его следует понимать как событие – конечную единицу природного явления и выражение процесса, которое, актуализируясь, обретает вою индивидуальность [28].

В исторической же парадигме (подходе) под событием может выступать как стечение обстоятельств, так и личность или конкретная группа лиц, институция, инициирующая конкретные виды процессов, в первую

очередь социально-политических и хозяйственно-политических (экономических). Соединение концептов «власть» и «событие» дает возможность обратить внимание на еще одну особенность – телеологическую проекцию, поскольку власть, как и событие, выступает не только средством, но и целью – стремится к завершенности, а потому мы имеем все основания также разделять и способы достижения политического результата в системе социальных полей как минимум на две группы – кратократические (силовые, волюнтаристские) и идеократические (символические, герменевтические).

Государство, государственная власть посредством силы – монополии на насилие – устанавливает, как было отмечено выше, порядок. С. Льюкс, выводя вслед за Дж. Локком наиболее общее понятие власти, приравнивает ее к силе – акцентирует внимание на том, что обладание властью есть способность производить или воспринимать какие-либо перемены либо сопротивляться им [29. С. 103]. Будучи и атрибутом власти и ее инструментом, сила имеет конечной целью нивелирование всякого сопротивления, осуществляя подчинение, которое в масштабах государства (государственной машины, аппарата) становится психологическим механизмом, связывающим индивидуальное действие с политической целью. Образуется мощь.

Физическое принуждение часто определяют как подчинение «обезличенной власти традиции», которая проявляется и воспринимается в форме обычаев, ритуалов, этикета, выступавших в качестве императива по отношению к индивиду, где власть – ценность, притом ценность высшего порядка [30. С. 15]. Согласно М. Фуко, власть выступает в качестве механизма тотального контроля: множественные отношения силы, которые образуются и действуют в трудовых коллективах и институтах, в семье и иных малых группах, служат опорой для обширных последствий распределения, которые пронизывают все целое социального тела [31]. Такая власть определяется как дисциплинарная, опирающаяся на этический и нормативный капитал общества.

Власть как ценность, вплоть до ее сакрализации, представляет собой цивилизационный социокультурный институт. Ее функция проста – легитимация иерархий и поддержание процесса воспроизводства человеческих сообществ – его формальных / неформальных политических процессов. Так она становится гарантом существования и развития других социальных институтов, процессов и ценностных практик [32].

На когнитивную природу власти указывает и В.В. Бочаров, связывая ее происхождение с формиро-

ванием норм поведения человека [33. С. 173]. В модели Н. Лумана она приобретает символическое значение и становится главным средством связи, обеспечивающим непрерывный процесс коммуникации – медиатизация власти заменяет структурное насилие господством в семиотическом поле [34, 35]. В связи с этим обратим внимание и на понятие «габитус» [36. С. 103], которым обозначается инкорпорированное поведение индивидов. Как отмечает П. Бурдьё, габитус представляет собой систему диспозиций, порождающую и структурирующую практику и представления субъекта, благодаря чему субъект имеет возможность спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на происходящие в нем события и возникающие ситуации. Габитус, таким образом, выступает как своеобразный посредник власти – избавляет индивида от необходимости снова и снова затрачивать интеллектуальные усилия на поиск оптимального поведения, в том числе и в малых группах.

В условиях усложняющейся реальности власть как система социокультурного управления вынуждена расширять и свои функции – заниматься не только обеспечением безопасности, но и поддерживать, упрочивать свой авторитет, нередко прибегая к присвоению несвойственных ей функций, как, например, сакрализующей в дополнение к идеократической, – конструирует мировоззренческие установки и ценности в виде идеологем. Внедряя их в массовое сознание посредством утверждения, в том числе и своего авторитета, она выступает своего рода модернизированной сверхсущностью – квази-религиозной системой, структурные элементы которой – все те же идеологемы (см. примечание 5, а также: [8, 9, 24]).

Заключая, в качестве апробации мы выдвигаем следующее определение:

власть – это способность актора к отчуждению своего права на волеопределение в пользу субъекта более высокого уровня с целью распределения объемов и полномочий для всех видов акторов, образующих систему – общество. В процессе делегирования и социального взаимодействия власть приобретает характер динамической институциональной системы, находящейся в состоянии непрерывного развития. Эта система в рамках эпистемы предстает также и в роли функции, обеспечивающей диалектическое единство своих элементов посредством непрерывной коммуникации через сакрализацию / принуждение, легитимацию / диффамацию, удостоверение (санкцию) / ограничение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассматривая власть как модель (подсистему) общественного взаимодействия, принято выделять следующие ее виды: волюнтаристскую; коммуникативную, или герменевтическую; структуралистскую; постмодернистскую. Существующие же концепции и подходы к интерпретации можно разделить на две больших группы: трактующие власть как атрибут, субстанциональное свойство субъекта и как самодостаточный «предмет» или «вещь» – атрибутивно-субстанциональная группа; описывающие власть как социальное отношение / взаимодействие на элементарном / усложненном коммуникативном уровне – реляционная группа. Ярким примером анализа и постановки задач в части развития политической теории могут служить «Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь» [5].

² P.S.: Возможно ли с феноменологической и / или философско-гносеологической точки зрения отчуждение качества / состояния «быть» – «Dasein»? – Безусловно: весь экзистенциализм, аналитическая философия и постмодернизм есть следствие. Данный опыт, расширенная его практика обеспечили закат эпохи моноцентричных систем с их индустриально-технологическим прогрессом и переход к полионтологизму –

новой эпохе истории человечества, характерными признаками которой становятся относительность (множественность) истины и виртуализация пространств – конструирование «природ». Главный вызов «Dasein» новой эпохи – верифицируемость оснований и их достаточность: возможно ли целое / единое и если да, то как – произойдет ли трансформация базового бинама «бытие и ничто» и, как следствие, сообразных ему антиномий?

³ Среди них – метафизическая (доктринально-мировоззренческая), социокультурная (этно-языковая и трудовая), биологическая (поло-видовая / -ролевая) определенности, включая неопределенность, соотносимые с условиями их реализации – отсутствием ограничений (свободы) на их реализацию, включая возможность выбора.

⁴ В каждой и для каждой конкретной культурной традиции данная универсалия-категория будет иметь свой уникальный объем – различное содержание. В системе традиционных (классических) бинарных пар-оппозиций власть противостоит хаосу, структурируя социальное поле: установленный властью политический порядок противодействует анархии. Таким образом, власть как феномен, возникающий в системе отношений политических субъектов, становится элементом социальной системы и реализуется в пределах социальности как уникальное – институциональное, политическое.

⁵ Обратим здесь особое внимание на результат этой универсальной функции «Я» (субъектности / суверена), ее направленности «на», стремлению «к», – ее потенции становиться / открывать универсалию и / или категорию [22, 23]. Учитывая, что на каждом уровне бытия образуются / открываются свои особенные универсалии, и все эти уровни бытия во «взрослых» культурах бытуют одновременно, зачастую «филогенетически» вступая в противоречия, перед академическим сообществом неизбежно встают сложнейшие задачи охранения и инкультурации (воспитания) – обеспечивать методологическую чистоту воспроизводства, систематизацию и ревизию отраслевых тезаурусов и предотвращение их смешения.

Проиллюстрируем. Так, например, *религия* – простейшее явление действительности – явление природы, включая социальную, экзистенциально-трансцендентального порядка и / или феномен обособленной, уникальной реальности – явление духовного-трансцендентного, номиналистического порядка. Религия – возникающий на фидеистских интенциях (и / или эмпатии) субъекта опыт отчуждения модели отношений с миром (А – не-А), включая собственное Я, и предстающий в форме метафизической системы, в которой ино-бытие (трансцендентное) и его проекции (сакральное, ценностное, включая механизм взаимодействия) довлеют наличному (профанному) и переживаются (непосредственно / прямо [катафатически] или инверсивно [апофатически]) в категориях долженствования, субординации и трансгрессии. Религия, таким образом, оказывается сложным (полифункциональным) объектом: 1) моделью бытия с ин-вариантами миропорядка, 2) миропорядком, принцип организации которого соответствует типу / модели онто(аксиоматика)-логики(логики) и эксплицируется в социальных функциях и аксиологии, 3) системой миропредставлений (мировоззренческая система с уровневыми спецификациями) с ин-вариантами причинно-следственных отношений (праксиологии – виды логик и типы аксиологий). Как и *власть* (увидим это несколько позже), понятие *религия* в своем формальном, пустом изводе также есть не что иное как (суть) противоречие, снимаемое / выражающееся в культе (его форме), который есть (суть) установление тождества между сформированной в результате снятия новой реальностью (= природа) и условиями ее появления. Да – природ может быть множество – все зависит от противоречия, способного быть снятым, и его уровня – задавать реальность, реализоваться как сущность. И каждое новое воплощение / становление / разворачивание реальности есть не что иное, как взыскание себя – вхождение в свою полноту, полноту себя – соотнесение себя в умопостижении с умопостижимым умопостижимым (умопостижением) – именем. А это не что иное как неизменно повторяющийся праксео-гносеологический акт: мифология извечно «беременна» – вынашивает метафизику (религию и философию), из которой рождается «пожирательная» их наука, – и так до бесконечности, на фоне которых Власть – способ и форма управления ими...

Р.С.: Вероятно, именно в силу этой «природной» схожести обусловлены процессы сакрализации / клерикализации власти и религиозации политики, как и идеологизации и политизации (этатизации) религии – по сути, диффамации каждой, если в культуре институты науки и образования не обеспечивают онто-аксиологического удостоверения их оснований, а законодательные и правоохранительные органы не обеспечивают разделения властей и развития гражданско-государственных процессов и институтов [24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.А. Власть // Новая философская энциклопедия : в 5 т. М., 2010. Т. 1. 504 с.
2. Власть (Authority). URL: http://economic-definition.com/Politics/Vlast_Authority_eto.html или <https://investments.academic.ru/800/Власть> (дата обращения: 25.07.2018).
3. Халипов В.Ф. Власть: основы кратологии. М., 1995. 304 с.
4. Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М., 2005. 1054 с.
5. Методическое руководство подготовкой проектов правовых актов // Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. URL: <http://center.gov.by/normotvorcheskaya-deyatel-nost/podgotovka-proektov-normativny-h-pra/metodicheskoe-rukovodstvo-podgotovko/> (дата обращения: 25.07.2018).
6. Шмидт В.В. «Старый» Сократ и «новый» Платон: хочешь иметь Мир – будь его Творцом // Миссия конфессий. 2018. № 32 (5).
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М., 1986. Т. 3. 639 с.
8. Шмидт В.В. Религия: определенность как проблема безопасности (философский, теологический, религиоведческий контекст) // Религия как фактор взаимодействия цивилизаций : материалы IV Конгресса российских исследователей религии (24–26 сент. 2018 г., г. Благовещенск). Благовещенск, 2018.
9. Аллаhverдян Я.О., Шмидт В.В. Религия в системе гражданских и государственных отношений: вызовы, контекст, задачи // Религия как фактор взаимодействия цивилизаций : материалы IV Конгресса российских исследователей религии (24–26 сент. 2018 г., г. Благовещенск). Благовещенск, 2018.
10. Категории политической науки / рук. авт. кол. А.Ю. Мельвил. М., 2002. 656 с.
11. Выдрина О.В. «Философский и культурно-исторический контексты определения понятия власти» // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 69–71.
12. Попов В. Особенности системно-теоретической проблематики власти в социологии Т. Парсонса, Н. Лумана и Р. Мюнха // Социологическое обозрение. 2008. № 2. С. 69–85.
13. Канетти Э., Московици С. Моностр власти. М., 2009. 240 с.
14. Арент Х. О насилии / пер. с англ. Г.М. Дашевского. М., 2014. 148 с.
15. Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 2000. 928 с.
16. Дугин А.Г. Социология русского общества: Россия между Хаосом и Логосом. М., 2010. 583 с.
17. Дугин А.Г. Международные отношения: парадигмы, теория, социология. М., 2013. 348 с.
18. Дугин А.Г. Философия войны. М., 2004. 256 с.
19. Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004. 614 с.
20. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М., 2006. 560 с.
21. Хоружий С.С. Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 104–120.
22. Харитонов А.С., Шмидт В.В. Практикующая философия: к обоснованию телеологического подхода // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. 15–38.

23. Шмидт В.В. Религиоведение в системе вызовов и народохозяйственных задач России начала XXI в. // Религиоведческие исследования. 2015. № 1. С. 167–186.
24. Козлов М.В., Шмидт В.В. Религиозный фактор и идеология: проблемы метода социально-политического моделирования // Евразия: духовные традиции народов. 2013. № 3-4. С. 85–98.
25. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2.
26. Хайдеггер М. Время картины мира: новая технократическая волна на Западе. М., 1986. 453 с.
27. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избранные произведения : в 2 т. М., 1991. Т. 2. 731 с.
28. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / сост. И.Т. Касавина, общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. М., 1990. 720 с.
29. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А.И. Кырлежева. М., 2010. 240 с.
30. Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль. М., 2016. 282 с.
31. Фуко М. Интеллектуалы и власть / пер. с франц. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М., 2002. 384 с.
32. Чернышов А.Г. Власть как ценность // Власть. 2014. № 9. С. 42–49.
33. Антропология власти : хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. СПб., 2006. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе. 491 с.
34. Луман Н. Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2001. 256 с.
35. Шмидт В.В. О знаке и символе в религии и обществе в аспектах межинституционального диалога // Религиоведение. 2011. № 3. С. 69–74.
36. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб., 2001. 562 с.

Schmidt William V. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: william@list.ru

Rizoev Shamsiddin Kh. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: rizoye@gmail.com

POWER: ON THE ISSUE OF DEFINING IT

Keywords: power; power as a social phenomenon; power in the system of politics; philosophy of power; axiology of power.

Among the phenomena having the social nature, the power is the phenomenon providing institutionalization and designing of structure and the system of the organization of society. It sets not only the levels of institutionalizing, but also the levels of the relationship influencing the tradition per se, its ethic and legal system. The power, being initially individual and public “institute”, also forms two types of standard institutionalization – axiological eschatological system and civil and political (etatist) system, which provides several types of hierarchy and subordination: generic / specific and hierocratic, implemented in the history as ethnocultural national tradition.

Thus, the power as a functional and institutional phenomenon represents itself as a reproduction process the essence of which is realization of sacralization, codification, legitimation and management principles. All this in complex also defines the status of the power – its place in the social system which also has direct expression in the image of its sender – the actor/subject acting on its behalf.

While analyzing the phenomenon of power, namely the volume and the essence of this notion the article emphasizes/highlights its qualitative semantic (genetic) characteristic – alienation, which at the same time serves as the fundamental platform for forming the sovereign – “I” (subjectivity). The nature of “alienation” as the basic function is unique in its ability to reveal, provide manifestation of universals and/or categories, the most basic of which are binomials, such as: “being and nothingness”, “sacred – profane”, “spiritual – material”, “ideal – real”, “The god / Absolute – a person”, “transcendent – transcendental / immanent”, “the power – a right / duty”, “one whole – concrete / individual”, “common – private”, etc.

The hypothesis is made that it is due to this “natural” similarity that processes of sacralization/clericalisation of power and religization of policy, as well as ideologization and politicization (etatization) of religion, occur (being, in fact, defamation of each category) if the institutes of science and education do not provide the onto-axiological grounds, and legislative and law enforcement agencies do not provide separation of powers and development of civil and state processes and institutes.

In conclusion, the following author’s definition is put forward: power is the actor’s ability to alienate the right of self-determination in favor of a subject of a higher level, for the purpose of distribution of powers for all types of the actors forming the system (society). In the course of delegation and social interaction the power gains the nature of the dynamic institutional system which is in a condition of continuous development. This system within an episteme appears as well as the function providing dialectic unity of the elements by means of continuous communication through sacralization/coercion, legitimation/defamation, certification (sanction)/restriction.

REFERENCES

1. Alekseeva, T.A. (2010) *Vlast'* [Authority]. In: Stepin, V.S. (ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 5 t.* [New philosophical encyclopedia: In 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
2. Dic.academic.ru. (n.d.) *Vlast'* [Authority]. [Online] Available from: <https://investments.academic.ru/800/Vlast'>. (Accessed: 25th July 2018).
3. Khalipov, V.F. (1995) *Vlast': Osnovy kratologii* [Power: The Basics of Cratology]. Moscow: Luch.
4. Khalipov, V.F. (2005) *Entsiklopediya vlasti* [Encyclopedia of Power]. Moscow: Akademicheskii proekt.
5. National Centre for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus. (n.d.) *Metodicheskoe rukovodstvo podgotovkoy proektov pravovyykh aktov* [Methodological guidance in the preparation of draft legal acts]. [Online] Available from: <http://center.gov.by/normotvorcheskaya-deyatelnost/podgotovka-proektov-normativny-h-pra/metodicheskoe-rukovodstvo-podgotovko/>. (Accessed: 25th July 2018).
6. Shmidt, W.V. & Sapan, I.E. (2018) “Old” Socrates and “New” Plato: you want to have the World – be its Creator. *Mir konfessii*. 32(5). (In Russian).
7. Engels, F. (1986) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. In: Marx, K. & Engels, F. *Izbrannyye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works. In 3 vols]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: [s.n.].
8. Shmidt, W.V. (2018) [Religion: Certainty as a Security Problem (Philosophical, Theological, Religious Context)]. *Religiya kak faktor vzaimodeystviya tsivilizatsiy* [Religion as a factor in the interaction of civilizations]. Proc. of the Fourth Congress of Russian Researchers of Religion. Blagoveshchensk. September 24–26, 2018. Blagoveshchensk. (In Russian).
9. Allakhverdyan, Ya.O. & Shmidt, W.V. (2018) *Religiya v sisteme grazhdanskikh i gosudarstvennykh otnosheniy: vyzovy, kontekst, zadachi* [Religion in the system of civil and state relations: challenges, context, tasks]. *Religiya kak faktor vzaimodeystviya tsivilizatsiy* [Religion as a factor in the interaction of civilizations]. Proc. of the Fourth Congress of Russian Researchers of Religion. Blagoveshchensk. September 24–26, 2018. Blagoveshchensk. (In Russian).
10. Melville, A.Yu. (2002) *Kategorii politicheskoy nauki* [Categories of political science]. Moscow: ROSSPEN.
11. Vydrina, O.V. (2009) *Filosofskiy i kulturno-istoricheskiy konteksty opredeleniya ponyatiya vlasti* [Philosophical and cultural-historical contexts of the definition of the concept of power]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 69–71.

12. Popov, V. (2008) Features of a system-theoretical problematic of power in sociology of T. Parsons, N. Luhmann and R. Munch. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 2. pp. 69–85. (In Russian).
13. Kanetti, E. & Moscovici, S. (2009) *Monstr vlasti* [Monster of Power]. Translated from English by R. Karalashvili, T. Emelyanova, G. Diligensky. Moscow: Algoritm.
14. Arendt, H. (2014) *O nasilii* [About violence]. Translated from English by G.M. Dashevsky. Moscow: Novoe izdatelstvo.
15. Dugin, A.G. (2000) *Osnovy geopolitiki* [Basics of geopolitics]. Moscow: Arktogetya-tsentr.
16. Dugin, A.G. (2010) *Sotsiologiya russkogo obshchestva: Rossiya mezdu Khaosom i Logosom* [Sociology of Russian society: Russia between Chaos and Logos]. Moscow: Akademicheskii proekt.
17. Dugin, A.G. (2013) *Mezhdunarodnye otnosheniya: paradigmy, teoriya, sotsiologiya* [International relations: paradigms, theory, sociology]. Moscow: Akademicheskii proekt.
18. Dugin, A.G. (2004a) *Filosofiya voyny* [Philosophy of War]. Moscow: Kniga po trebovaniyu.
19. Dugin, A.G. (2004b) *Filosofiya politiki* [Philosophy of Politics]. Moscow: Arktogetya.
20. Panarin, I.N. (2006) *Informatsionnaya voyna i geopolitika* [Information warfare and geopolitics]. Moscow: Pokolenie.
21. Khoruzhiy, S.S. (2017) Zloklyucheniya traditsii, ili Pochemu nuzhno zashchishchat' traditsiyu ot traditsionalistov [Misadventures of tradition, or Why do we need to protect the tradition from traditionalists]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 104–120.
22. Kharitonov, A.S. & Shmidt, W.V. (2012) *Praktikuyushchaya filosofiya: k obosnovaniyu teleologicheskogo podkhoda* [Practicing philosophy: to justify the teleological approach]. *Evrasiya: dukhovnye traditsii narodov*. 3. pp. 15–38.
23. Shmidt, W.V. (2015) Religiovedenie v sisteme vyzovov i narodokhozyaystvennykh zadach Rossii nachala XXI v. [Religious studies in the system of challenges and economic tasks of Russia in the early 21st century]. *Religiovedcheskie issledovaniya*. 1. pp. 167–186.
24. Kozlov, M.V. & Shmidt, W.V. (2013) Religioznyy faktor i ideologiya: problemy metoda sotsial'no-politicheskogo modelirovaniya [Religious factor and ideology: problems of the method of socio-political modeling]. *Evrasiya: dukhovnye traditsii narodov*. 2013. № 3–4. pp. 85–98.
25. Bourdieu, P. (1993) Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power]. *TESIS – THESIS*. 1(2).
26. Heidegger, M. (1986) *Vremya kartiny mira* [Time for a Picture of the World]. Translated from German by V. Bibikhin. In: Gurevich, P.A. (ed.) *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [A New Technocratic Wave in the West]. Moscow: Progress.
27. Hobbes, T. (1991) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works in 2 vols]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Mysl'.
28. Whitehead, A.N. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress.
29. Lukes, S. (2010) *Vlast': radikal'nyy vzglyad* [Power: A radical look]. Translated from English by A.I. Kyrlezhev. Moscow: HSE.
30. Milgram, S. (2016) *Podchinenie avtoritetu: nauchnyy vzglyad na vlast' i moral'* [Submission to authority: a scientific view of power and morality]. Translated from English by G. Yastrebov. Moscow: Al'pina non-fikshn.
31. Foucault, M. (2002) *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and Power]. Translated from French by S.Ch. Ofertas. Moscow: Praxis.
32. Chernyshov, A.G. (2014) Vlast' kak tsennost' [Power as a value]. *Vlast'*. 9. pp. 42–49.
33. Bocharov, V.V. (2006) *Antropologiya vlasti: khrestomatiya po politicheskoy antropologii: v 2 t.* [Anthropology of power: anthology on political anthropology: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
34. Luhmann, N. (2001) *Vlast'* [Power]. Translated from German by A.Yu. Antonovsky. Moscow: Praxis.
35. Shmidt, W.V. (2011) O znake i simvole v religii i obshchestve v aspektakh mezhinstitutsional'nogo dialoga [On the sign and symbol in religion and society in the aspects of interinstitutional dialogue]. *Religiovedenie*. 3. pp. 69–74.
36. Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical sense]. Translated from French by A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya.